

«Все мы одной веревочкой связаны»

Взг. Москва - 1994 - 25 окт. - 03

Поводом для нашей встречи с Валерием Золотухиным послужил выход его книги «Дребезги», которая как бы подвела некий итог его более чем полувековой жизни, талантливой и незаурядной. Поневоле разговор наш перерос в обсуждение только этого издания и затронул различные перипетии его судьбы.

Философ сказал: «... вот картина всей жизни; и из нее научись понимать смысл твоей жизни. И наоборот: читай лишь свою жизнь и из нее понимай иероглифы жизни в целом». Именно поэтому любой писатель просто обречен описывать в своих произведениях себя, родных, друзей, знакомых. Не избежал этой участи Валерий Золотухин, которому показалось мало славы актера театра на Таганке, мало того, что вся страна стала распевать песни его киногероев Бумбараша и участкового Сережкина. Ему захотелось еще вкусить и писательского хлеба. С пером в руке он оживил воспоминания своей деревенской юности, будни актерского и киношного мира. Недаром Валерию Сергеевичу так духовно близки другие художники — Высоцкий и Шукшин, которые, подобно гениям эпохи Возрождения, были щедро одарены разными талантами: поэтическим, музыкальным, лицедейским.

И если Василий Шукшин в первую очередь был писатель, а уж потом актер, режиссер, «швец, жнец и на дуде игрец», то Золотухин причисляет себя к пишущим актерам.

И поскольку память Василия Макаровича ему особенно дорога, то почитает своим долгом участвовать в шукшинских чтениях. А проводить их с каждым годом все труднее. Раньше это дело благополучно финансировалось партийными товарищами, а теперь московские гости всецело зависят от желания спонсоров оплатить или не оплатить их тур на Алтай. К тому же в этом году чтения еще и начались с несчастного случая. Провалился помост, на котором сидели гости, при этом один из них повредил челюсть. И что характерно: при самых первых ужасных звуках разламывающегося дерева, дружного оха толпы, у Золотухина, как он рассказывает, появилась тревога не о себе, а о кормилице-гитаре. Но их обоих Бог миловал.

Жизнь всякого знаменитого актера богата многочисленными встречами, поездками. Вот и начал Валерий Сергеевич заносить их сначала в личный дневник. А потом расписался до повестей. Лучшие вещи объединились в сборник «Дребезги».

Вспоминается реакция Андрея Вознесенского на публикацию золотухинской первой повести «На Исток речушку, к детству моему». Сбылось пророчество поэта о новом отношении людей к новоявленному писателю, заглянувших, благодаря книгам, в дальние уголки его души. Так было и с Высоцким. Золотухин вспоминает: «Любимов дал ему Гамлета и сделал с артистом роль, которая стала для него вершиной, любимой и в которой в свое время он не знал себе равных в Европе. Шекспир — поэт, Гамлет — поэт, Высоцкий — поэт. Тут все связалось в прочный узел». Если бы он не был поэтом, то, возможно, не достиг бы такой высоты в роли. Похоже, у Валерия Сергеевича тоже все связалось в тесный узел. И каждый миг своей театральной, кинематографической, певческой жизни он осмысли-

вает в прозе. А писательский опыт, в свою очередь, помогает ему создать психологически достоверный рисунок роли.

К счастью ли, к сожалению ли, сам Золотухин Гамлета так и не сыграл. Хотя, конечно же, по его мнению, «для актера, любого на земле, попробовать Гамлета — великая честь и счастье». Слухи о давней истории, о назначении его на роль принца датского и побудили опубликовать дневники «Все в жертву памяти твоей...» Все любопытствующие к ним и отсылаются.

Читаешь их со смешанным чувством. Они производят впечатление очень интимных. Там и борьба актерских амбиций тридцатилетних Высоцкого, Смехова, Филатова, Шаповалова, ныне всеми признанных корифеев. И рассуждения о том, что в фильме «Хозяин тайги» все не то. Тогда-то никто и не подозревал, что роль скромного участкового станет для Золотухина звездной, и вся страна запоет его любимой «Ой, мороз-мороз». Во всей сложности показаны отношения с коллегами Владимира Семеновича, святого и грешного одновременно, который мог и гениально роль сыграть, и сорвать спектакль, и присутствовать в смокинге на Канском фестивале, и пить с мужиками самогонку в сибирской избе. Поистине нужно было мужество, чтобы решиться все это обнародовать.

Но после публикации записок Марины Влади о Высоцком, он не мог поступить иначе. Да, отношения внутри театра были очень непросты: «Иногда и грязно приходилось хлебнуть», — признается он в дневниках. Хочется процитировать тогдашнего Золотухина: «Все мы одной веревочкой связаны: любовью к лицедейству и надеж-

дой славы — и этими двумя цепями, как круговой поручкой, спутаны, и мечемся, и надрываемся до крови, и унижаемся, и не думаем ни о чем, кроме этих своих двух цепей».

И поскольку откровенному автору не хотелось лакировать личность Высоцкого, вносить задним числом исправления, читатели «Дневников» разделились на два лагеря. Сразу после публикации мать Высоцкого Нина Максимова рассердилась за такое обнаженное изображение, лишь потом постепенно оттаяла. Напротив, бывшая жена Высоцкого Людмила Абрамова сразу оценила золотухинскую публикацию, посчитав, что именно в этих записках Высоцкий предстал полнокровной, выпуклой фигурой. И потому, по ее мнению, те дневники чуть ли не важнее всей остальной бесчисленной литературы о нем.

В «Маленьком театральном романе» создан образ некоего театрального маленького человека. Иван Чайников, без сомнения, вышел прямоком из гоголевской шинели, похож на Акакия Акакиевича, как родной брат. Вся-то жизнь он говорит на сцене «кушать... карета подана» и влият хвостом перед заслуженными артистами. Понятно, это образ собирательный. А вот в Григории Петровиче Курочкине, народном артисте всего нашего Союза, видны черты хорошо нам известных реальных знаменитых актеров.

Бабочкин, например, сыграл после Чапаева множество интересных ролей, но остался у народа навеки легендарным комдивом. Так и наш герой долго оставался для зрителей Бумбарашем. Даже друзья сына во дворе так его и называли. Потом было много значительных ролей, но Золотухину иногда кажется, что лучше, чем в первом фильме «Пакет», где он нашел первые черточки Бумбараша, уже не сыграл. Может быть, тогда не хватало мастерства, но все компенсировалось задором, непосредственностью, свежестью.

Пастернак полагал, что доктор Живаго — нечто среднее между ним самим, Есениным и Маяковским. Кто-то видел в этой роли Смехова, Филатова, но никак не Золотухина. Но, видимо, его писательская привычка много размышлять, анализировать свои ощущения и подготовили его для исполнения этой роли. А она, мало того, что требует большой эмоциональной отдачи, еще не проста для физического исполнения, так как спектакль очень динамичен.

Сегодня, как нам стало известно, ко всем прочим родам золотухинской деятельности прибавилось еще и спонсорство: часть гонорара от «Дребезгов» пойдет на восстановление церкви в родном селе. «А вообще поднимать ее надо всем миром, не останавливаясь перед инфляцией, — полагает артист. — Человек, который занимается благотворительностью, отдавая деньги, взамен приобретает чистую совесть, сознание выполненного долга. Один мальчишка принес рубль. Так ведь он миллионы стоит! Пouchиться бы у него местным предприятиям и компаниям. В их же интересах, чтобы тамошний народ, посещая церковь, становился более нравственным, трудолюбивым, добросовестным. А ради этого не жаль любых денег».

Елена МАСЛОВА
Фото В. КОПЫЛОВА